

Министерство общего и профессионального образования
Российской Федерации

Ивановский государственный университет

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ШТУДИИ

Сборник научных трудов

Выпуск 3

Иваново 1999

В. В. Кораблев

МЕТАФИЗИКА ЖИЗНИ И СМЕРТИ В "ЗИМНИХ СОНЕТАХ" ВЯЧ. ИВАНОВА

Парадокс лежит в основе художественного творчества, а потому сочетание несочетаемого, будь то в тексте, мировоззрении и даже биографии поэта, есть, скорее, норма, чем исключение. Парадокс предполагает метаморфозу смыслов и образов и, по сути, является логикой мифа¹. Подобная внутренняя организация, зачастую почти не прослеживаемая на внешних уровнях произведения, позволяет эксплицировать в небольших по объему текстах широкий культурологический или мифологический контекст; структурировать несоединимые, на первый взгляд, явления, возводя их a realibus ad realiora (от реальности реальной к реальности реальнейшей).

Поэзия, по словам М. Хайдеггера, "ни прямо открывает, ни попросту скрывает, но открывает, скрывая"². Стихотворения Вяч. Иванова герметичны: это прекрасные соборы, охраняющие Sanctum Sanctorum его поэтических прозрений. Иванов сознательно требует для поэзии особого, ритуального языка, возможно меньше похожего на "бытовой говорок". Однако это ни в коей мере не затмение речи, не попытка "блеснуть учностью", но стремление к максимальной явленности смыслов, к познанию и ознаменованию *res realiores* (вещи

реальнейшей). Отсюда усиленное внимание к слову "как единой и неделимой, целостной и отдельной от всего монаде смысла"³, причем опорные акценты ставятся на односложных словах как наиболее близких к изначальному творческому ядру языка. Это замедляет движение стиха, и уже не раз в научной и критической литературе возникало сравнение слова Вяч. Иванова с камнем⁴.

На таком фоне каждое теплое — не восторженно-горячее, а просто теплое — слово, прорвавшаяся музыка стиха ощущается особенно остро. Это часто и вводит в заблуждение. Иванов последователен в своем методе: неожиданная простота языка не делает его тексты "прозрачными", наоборот, их герметизм усиливается. Таковы, на наш взгляд, "Зимние сонеты" (1919)⁵.

Цикл привлекает своей задушевной простотой, понятным, неархаичным языком, подкупает "прямотой лирического выражения, неожиданными у Иванова предметами быта (Охапка дров свалив у камелька, / Вари пшено и час тебе довлест)"⁶. Трогает одиночество героя, его физическая разлука и духовная близость с родными, и при этом, как отмечает В. Орлов, здесь "нет никакой метафизики и мистики"⁷. Хотя, если дочитать до конца цитируемое исследователем четверостишие: "Потом усни, как все дремой коснет... / Ах, вечности могила глубока!" (III) — это утверждение опровергается.

Цикл "Зимние сонеты" — инициатическое постижение тайн жизни и смерти, попытка проникнуть в апофатизм мироустройства, откровение того, что художник видит "как реальность в кристалле низшей реальности"⁸. При таком подходе в символе раскрывается миф как объективная правда о мире; миф, который есть "не изобретение, а обретение"⁹. В подобном "тайновидении" Вяч. Иванов близок к Ф. Тютчеву, которого сам называл "величайшим в нашей литературе представителем реалистического символизма"¹⁰.

Время написания "Зимних сонетов" — тяжелая пора в жизни поэта; это, конечно же, отражается на его мировосприятии. Цикл полнится хтоническими образами, символикой смерти: "мертвый снег", "кладбище сугробов", "реквием метели" — однако и здесь изображение не ограничивается одной стороной бытия; как пространственная организация мира В. Иванова не строится на одной лишь вертикали или горизонтали, но всегда является в единении подъема и спуска арки или радуги¹¹. Смерть — неперемненное условие воскресения,

закат — восхода — такова логика мироустройства, по которой бездна и мир горний едины, одно — в другом: "Небо — вверх, небо — вниз"¹². Дуга, арка — суть круг, символ мира и соборного единения — основополагающего понятия в мировоззрении Вяч. Иванова. Но круг одновременно означает и "беспредельность", то есть бездну¹³ — все во всем! Это сообщает поэзии Вяч. Иванова пульсирующую энергию мифа и заклинания. Пробиваясь из языка, она являет себя в звукообразах — немотно-музыкальном промежуточном состоянии между протоязыком и поэтическим языком. Отсюда — ряды односложных слов, бьющий ритм заклинаний: герой заговаривает звуками имен хтонических чудовищ, одновременно славя их пророческую прозорливость:

Рыскачий волхв (здесь и далее курсив мой. — В. К.),
вор лютый, *серый волк*,
Тебе во славу стих слагаю зимний!
(V)

В заклинании Зимы звукоряд почти не прослеживается, он переходит в четкий именной ряд:

Твое именование — Сиротство.
Зима! Зима! Твой скорбный строй — унылость,
Удел — богов глухонемых немилость,
Твой лик — с устами сжатыми вдовство.
(IX)

Следующий момент явленности мифа — ряды антиномий, диалектика жизни и смерти на уровне образов. Антиномичность, в понимании поэта, является как бы стражей тайны: "если художник мыслит об антиномичности, — значит, ему дана власть, и тайны раскроются ему"¹⁴. В стихотворениях Иванова мы находим магическое (читай: красивое) перстекание смыслов; входящих, как к единому корню, к нескольким древним мифам.

Это становится ясным, если всмотреться в характер образов "Зимних сонетов". Уже упоминавшийся волк, обитатель нижнего мира, есть одновременно жертва — гонимый и преследователь — охотник¹⁴. Герой проклинает и славит волка как священного Дельфийского зверя (V). Связанный с ночью и зимой (декабрь — "волчий" месяц), волк становится у Иванова частью культа Диониса, отражающего ежегодное умирание и возрождение природы.

В следующем сонете герой слышит крик петела (петуха): "Звук оный трубный, тот, что отворяет / Последние затворы зимних врат" (VI). Время петуха — "третья стража" — часы от полночи до утра. Петух — символ солнца — связан с символикой воскрешения из мертвых¹⁵: "И полночь пережившее утрат, / Биением тайным сердце ускоряет / Любимых на лицо земли возврат" (VI). При этом в Древней Греции петух олицетворялся в качестве хтонической птицы; он, как и солнце, связан с подземным миром и был посвящен Асклепию как образ целительной смерти — возрождения¹⁶. Подобный принцип мироустройства отражен в "Зимних сонетах":

*Там, в вышних ноци, славы торжество,
Превыспренных бесплотных легкокрылость.
Безвестье тут, беспамятство, застылость, —
А в недрах — Солнца, Солнца рождество!*
(IX)

Там и тут связаны рождеством Солнца.

Каков в этом плане герой цикла? Он неразделен с двойственностью этого мира (в цикле мы видим его двойника):

*Свят гроб влачит двойник мой, раб покорный,
Я ж истинный, плотскому изменя,
Творю в дали свой храм нерукотворный.*
(III)

Духовная и физическая сущность героя разделились, что возможно лишь в случае сна или смерти героя; и многое в цикле говорит о последнем.

Духовное, в понимании Иванова, не есть идеальное, безгреховное, оно также может стать источником заблуждений и соблазна — с этой точки зрения два мира равноправны: "Кто искру высек, — сам себя рассек / На плоть и дух — два мира вожделений" (X). Герой жив и мертв одновременно — сон это или явь?

*Так месячно и бело на дорогах,
Что смертной тенью мерит мой двойник,
Меж тем как сам я тайный ученик,
Дивясь брожу в Изидиных чертогах.*

*И мнится, здешний я лежу на дрогах,
Уставя к небу мертвый острый лик...*
(VII)

Говоря о жизни и смерти, Вяч. Иванов ставит вопрос о человеке: в чем найдет он единство — в Жизни или Смерти?

Прежде чем ответить, посмотрим на организацию сонетов и цикла в целом. Форма сонета способствует диалектическому развитию идеи, позволяя как минимум дважды переходить от тезиса к антитезису (что любит делать Вяч. Иванов: большое число антонимов — характерная черта его стиля).

Вот пример построения сонета. Первый катрен: ведущий образ — "мертвый снег": "Скрипят полозья. Светел мертвый снег. / Волшебен лес торжественно заснежен. / Лебяжьим пухом свод небес омрежен. / Быстрой оленя туч подлунных бег" (I).

В первой строке через слово повторяется группа согласных с ведущим звуком "с": скр — св — сн, уплотняя стих и рождая ассоциации со словом "смерть". "Тень" этого слова переходит в следующие строки: "мертвый снег" — "заснежен" — "омрежен".

Во втором катрене первый и четвертый стихи являются антитезой второго и третьего, а также всего первого катрена: "Чу, колокол звонит про дальний брег... Святая ночь, где мне сулишь ночлег?" Во втором и третьем стихе зачарованно, как во сне, повторяются сочетания, уже отзвучавшие в первом катрене: "А сон полей безвестен и безбрежен.../ Неслежен путь, и жребий неизбежен". Первый терцет — ощущение духовной близости семьи, второй — физическая невозможность встречи. Таким образом, Иванов очень рационально использует структурные возможности сонета.

Цикл "Зимние сонеты" не строится по правилам классического венка, однако связь между частями очень плотная. Произведение начинается и заканчивается звуком колокола. Характер его неодинаков: в первом сонете — это звук одинокий, романтический, даже сентиментальный; в двенадцатом — это мажорный пасхальный звон, весть о воскресении: "В ночь зимнюю пасхальный звон ловлю, / Стучусь в гроба и мертвых тороплю..." (XII). Кажется, что все кончается идеей жизни, воскресения, однако последний стих заставляет задуматься: "Пока себя в гробу не примечаю". Но: "Обманчива явлений череда: / Где морок, где существенность, о Боже? / И явь, и греза — не одно ли и то же? / Ты — бытие; но нет к тебе следа" (XII).

Таким образом, основную поэтикообразующую функцию в "Зимних сонетах" несет архетипическое, мифологическое

представление о раздельно-слитной природе жизни и смерти; эта идея является на всех уровнях текста, постепенно перетекая в мысль о всеединстве как чудесном и разумном устройстве Мира.

Примечания

- ¹ *Голосовкер Б.* Логика мифа. М., 1987. С. 8.
- ² *Хайдеггер М.* Язык. СПб., 1991. С. 17.
- ³ *Аверинцев С.* Поэзия Вяч. Иванова // *Вопр. лит.* 1975. № 8. С. 162.
- ⁴ См., напр.: *Аверинцев С.* Системность символов в поэзии Вяч. Иванова // *Контекст.* 1989. М., 1989. С. 45; *Он же.* Поэзия Вяч. Иванова // *Вопр. лит.* 1975. № 8. С. 162—164.
- ⁵ *Иванов Вяч.* Зимние сонеты // *Иванов Вяч.* Лик и личины России. М., 1995. С. 634—640. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи в скобках с указанием номера сонета.
- ⁶ *Орлов В.* Перепутья. М., 1976. С. 69.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Иванов Вяч.* Две стихи в современном символизме // *Иванов Вяч.* Указ. соч. С. 129.
- ⁹ Там же. С. 126, 128.
- ¹⁰ Там же. С. 129.
- ¹¹ *Корецкая И.* Вяч. Иванов: метафора "арки" // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.* 1992. Т. 51. № 2. С. 60.
- ¹² *Иванов Вяч.* Мистический триптих // *Иванов Вяч.* Указ. соч. С. 598.
- ¹³ *Генон Р.* Символы священной науки. М., 1997. С. 88.
- ¹⁴ *Троцкий С.* Воспоминания // *Новое литературное обозрение.* 1994. № 10. С. 54.
- ¹⁵ Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 142.
- ¹⁶ Там же. Т. 2. С. 310.
- ¹⁷ Там же.